

Copyright © 2019 by International Network Center for Fundamental and Applied Research

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 54. Is. 4. pp. 1459-1469. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.4.1459
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Kalmyks, Kazakhs and Kuban Nogais in the Campaign of 1738: One of the Little-Known Pages of the Russian-Turkish War of 1735–1739

Vladimir T. Tepkeev ^{a,*}

^a Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article details the participation of Kalmyks, Kuban Nogais and Kazakhs in the military campaign of 1738 in the framework of the Russian-Turkish war of 1735–1739. This topic was only briefly covered in the works of most researchers, who briefly highlighted the main events of the whole war. Therefore, the aim of the work is a detailed consideration of the participation in the campaign not only of Kalmyks, but also of other nomadic peoples who took part in it directly or indirectly. The source base was the materials of the National Archive of the Republic of Kalmykia, where the documents of Khan Donduk-Ombo's correspondence with the regional administrations in southern Russia were deposited. Their analysis showed that the active and mass participation of the Kalmyks in the Russian-Turkish war created the conditions when their ulus became vulnerable to attack from the east. At the beginning of 1738, the ulus of the Kalmyk khan Donduk-Ombo underwent a massive Kazakh raid. The consequences of such actions could have a very negative effect on the combat readiness of the Kalmyk army, which would have a negative impact on its participation in the military campaign. However, the Kalmyk Khan still took an active part in it and his actions were mainly limited to the Kuban region. The invasion of the Kalmyk cavalry into the Kuban was a continuation of the previous campaign, when the Saltanul Nogais were subordinated. This time, the Kalmyks and the Kabardinians who acted with them were attacked by Kuban Nogais from the Khara-Kipchak and Navruz-Ulu tribes, who were relocated to controlled territory. More than a thousand Kalmyks were sent to the army field marshal P.P. Lassi, but it did not meet the original request of the Russian command. An attempt by Khan Donduk-Ombo to organize a return raid on the Kazakh uluses failed because of the mutiny of his son Galdan-Normo. A short-term internal strife in the Khanate was soon settled by the government, but practically removed Kalmyks from further participation in the campaign. The Don Cossacks were forced already independently, without the support of Kalmyks, to clash on the Don with the Kuban Nogais and defeat them. Thus, the Kazakh raid at the beginning of the year on the Kalmyk uluses significantly influenced the nature of the military campaign of 1738, limiting the participation of Kalmyks in it and allowing the Kuban Nogais to go on to an unsuccessful counteroffensive.

Keywords: Kalmyks, the Russian-Turkish war, the Crimean Khanate, Kabardians, Kazakhs, Kuban Nogais, Don Cossacks.

1. Введение

Русско-турецкие войны XVIII в. вовлекли в свою орбиту многие народы, проживавшие на огромной территории Восточной и Юго-Восточной Европы. Не исключением стала и русско-турецкая война 1735–1739 гг., которая явилась катализатором военных столкновений кочевых народов на южном пограничье. Очень заметно проявила себя в этой войне и калмыцкая конница, которая действовала на кубанском и крымском направлениях, оказав поддержку главным российским армиям. В кампаниях 1736, 1737 гг. перед калмыцкой конницей хана Дондук-Омбо ставилась

* Corresponding author

E-mail addresses: tvt75@mail.ru (V.T. Tepkeev)

примерно одна и та же задача – выдвинуться на Кубань и прикрыть левый фланг русским армиям, чтобы не допустить переброски кубанских ногайцев на крымский театр военных действий. Значительную поддержку калмыкам на кубанском направлении оказывали кабардинские князья и донские казаки. Но главной ударной силой, несомненно, выступала калмыцкая конница.

Однако активное и массовое участие калмыков в этой войне делало их улусы очень уязвимыми, особенно с восточного направления. С начала XVIII в. в степях Северного Прикаспия под давлением джунгаров с востока появляются казахские улусы, представленные большей частью казахами Младшего жуза. Уход большей части калмыцкой конницы на театры военных действий на Кубани и в Крыму позволил казахам уже летом 1737 г. совершить набег на кочевавшие у Волги калмыцкие улусы двумя отрядами общей численностью 12 тыс. человек. Местные российские власти оказались совершенно не готовыми к такому развитию событий. Последствия подобных набегов могли крайне негативно отразиться на боеготовности калмыцкого войска, что отрицательно сказалось бы на всей военной кампании (Торопицын, 2009: 242).

Большинство исследователей лишь обзорно осветили тему участия калмыков в этой войне, вкратце отразив основные события. В данной же статье подробно рассматривается участие в кампании 1738 г. не только калмыков, но и других кочевых народов, принявших прямое или косвенное участие. Новые документальные материалы проливают свет на некоторые стороны казахско-кубанских отношений, которые серьезно повлияли на сам ход участия калмыков в русско-турецкой войне.

2. Материалы и методы

Основной источниковой базой настоящей статьи послужили документы Национального архива Республики Калмыкия. В первую очередь это материалы фонда И-36 «Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе», где отложились копии указов, донесений и рапорты Астраханской губернской канцелярии и Коллегии иностранных дел по «калмыцким делам», а также письма хана Дондук-Омбо и других владельцев в оригинале и переводах. В частности, в основу статьи легли материалы дела № 83 – «Письма хана Дондук- Омбо. Указы и письма к нему. О походе Дондук-Омбо к кубанским татарам. О кабардинских владельцах. 1736–1740 гг.» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83). Особый интерес представляет и так называемый «Журнал полковника Кольцова 1738 г.» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109). Именно эти материалы значительно расширяют наши познания об участии калмыков, казахов и кубанских ногайцев в кампании 1738 г.

При работе с архивным материалом применялся историко-сравнительный метод, с помощью которого автор сопоставил хронику военной кампании 1738 г. на основе совпадающих сведений, содержащихся во всех или в большинстве источников. Это позволило избежать односторонности в рассмотрении событий того времени и приблизиться к исторической действительности. При этом сравнение осуществлялось на конкретных исторических фактах, отражающих существенные признаки явлений, а не формальное сходство.

3. Обсуждение

Несмотря на то, что историография Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. не слишком обширна, теме участия в ней калмыков посвящено несколько работ, которые в основном носят лишь обзорный и поверхностный характер (Батыров, 2006; Беликов, 1960; Беликов, 1965; Очиров, 2009; Мацакова, 2014; Петрухинцев, 1998; Цюрюмов, 2007; Цюрюмов, 2001; Цюрюмов, 2005; Цюрюмов, Батыров, 2006; Шовунов, 1991). Многие военные историки XIX – начала XX вв. высоко оценили боевые качества калмыцкой конницы в русско-турецких войнах (Баиов, 1906; Потто, 1889; Прозрителев, 1912; Чонов, 1912). В частности, генерал-майор В.А. Потто отмечал: «Не делая никаких сравнительных выводов, нельзя, однако, не сказать, что калмыцкий хан и казачьи атаманы, руководившие этими набегами, лучше наших фельдмаршалов поняли дух и тактику наших противников и потому без артиллерии и рогаток, без обоза и провианта с одной только конницею сделали больше, чем сделали в Крыму наши регулярные армии» (Потто, 1889: 53, 54). Более масштабное исследование военной кампании 1738 г. сделал видный военный историк и теоретик генерал А.К. Баиов (Баиов, 1906). Он детально изучил боевые действия главной и вспомогательной русских армий, но практически не затронул в своем исследовании действия калмыцкой конницы на Кубани. Оценивая итоги кампании 1738 г., А.К. Баиов отмечал, что в условиях безрезультатных походов двух главных армий удачный набег за Кубань Дондук-Омбо не мог привести к какому-либо значительному результату, не говоря уже о полном подчинении кубанских ногайцев (Баиов, 1906: 553). Теме калмыцко-казахских отношений в период этой кампании подробно уделили внимание И.В. Торопицын и Ж. Кундакбаева (Торопицын, 2009; Кундакбаева, 2005). Из последних публикаций стоит отметить «Журнал Крымских походов российской армии 1735–1738 гг.», где фрагментарно отражено участие небольшого отряда калмыков в боевых действиях армии генерал-фельдмаршала П.П. Ласси в Крыму (Журналы, 2017). По мнению А.А. Михайлова, эта война нуждается в самом пристальном и внимательном изучении, результаты которого явно будут способствовать более ясному пониманию

важных закономерностей истории отечественного военного искусства и международной политики XVIII в. (Михайлов, 2012: 346).

4. Результаты

Зимовку 1737/38 года калмыцкие владельцы с улусами проводили на правом берегу Волги, т.е. в непосредственной близости от театра военных действий. Например, улус хана Дондук-Омбо кочевал по р. Кума, улус Дорджи Назарова располагался в Мочагах, а тайша Четер кочевал по Манычу (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 11).

Но зимовка калмыцких улусов проходила в тревожной обстановке. В начале января хан Дондук-Омбо через своего посланника Джамбо-Джамцо ставил в известность российские власти, что «якобы касаки хотят идти чрез Волгу на Кубань». Однако, по данным оренбургского управителя В. Татищева, казахи не собирались идти в набег на калмыцкие улусы (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 61).

В январе все же стало известно, что казахское войско (по разным оценкам от 20 до 25 тыс. человек) двинулось к Волге. 17 января оно перешло по льду реку ниже Черного Яра и двинулось на Куму (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 71), где, как уже сказано, проводил зимовку улус Дондук-Омбо. Однако набег казахов оказался скоротечным, и удар пришелся только по крайним владениям улуса. По данным казахских пленников, им удалось захватить всего 1 тыс. калмыков (в основном, женщин и детей) и 10 тыс. верблюдов. Ограничившись этой «добычей», казахские предводители, приказав не трогать русские поселения, повернули свои войска обратно (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 101. Л. 28). Немногочисленные российские отряды, находившиеся на форпостах по Волге, не могли остановить казахские отряды, переходившие реку по льду в разных местах (Торопицын, 2009: 243).

По данным самого Дондук-Омбо, в результате казахского набега он потерял 2 тыс. кибиток. Но особенно его огорчил тот факт, что казахи захватили ханскую кибитку и хранившееся в нем религиозное имущество – статуэтки буддийских божеств (бурханы) и книги (Торопицын, 2009: 244). Именно возврат калмыцкому хану этих дорогих вещей и стал предметом последующих переговоров российских властей с казахскими правителями. Даже императрица Анна Иоанновна в апреле писала казахскому хану Абулхаиру, чтобы он, «охраняя свою подданническую должность, изволил собрать из киргизцев тех солтанов и старшин, кои были в том набеге, и наведаться, у кого из помянутых бурханов и книг, что есть» (Цит.: Кундакбаева, 2005: 210). Перед В.Н. Татищевым как начальником Оренбургской комиссии была поставлена задача – убедить казахов вернуть калмыкам захваченное имущество и через знатных своих людей предложить примирение, чтобы Дондук-Омбо отказался от ответных карательных действий. Тот факт, что Коллегия иностранных дел советовала В.Н. Татищеву отговорить калмыцкого хана от ответного похода не по указу, а как бы по своей инициативе, говорит об осторожном отношении к Дондук-Омбо в условиях продолжающейся русско-турецкой войны (Кундакбаева, 2005: 211).

По данным Дондук-Омбо, кубанцы и казахи планировали снова выдвинуться против калмыков, поэтому он видел выход в переправке улусов за Царицынскую оборонительную линию (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 226, 227). Отсюда возникают вопросы: имели ли казахские правители накануне вторжения какие-либо связи с кубанскими мирзами, направленные против калмыков, а последний набег казахов на калмыцкие кочевья можно ли рассматривать как военную помощь крымско-кубанским войскам в русско-турецкой войне?

Еще 30 декабря 1737 г. правительство строго указывало астраханским властям, «чтоб накрепко смотреть, дабы от турок посылаемые шпионы чрез Волгу к киргиз-кайсакам переходить не могли» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 101. Л. 14). Однако, как сообщали на допросе пленные казахи, «и ис кубанских и ис Крыму о призыве их в соединение присылки к ним никакой не было» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 101. Л. 22 об.).

Однако были и другие сведения. Яицкий казак Иван Харки, побывавший в казахских улусах, сообщил, что казахи ему лично рассказывали о своих контактах с некими кубанскими ногайцами. Например, зимний набег на калмыцкие улусы предполагался быть именно совместным с кубанцами, но последние так и не подошли. Захваченных у калмыков двух пленников кубанцев казахский султан Абулхаир по дороге отпустил, чтобы те сообщили кубанским мирзам о готовности уже следующей зимой, в декабре, совершить с ними совместный набег на калмыцкие улусы (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 101. Л. 38).

Вызывают интерес и сведения дворянина Степана Гунделея, состоявшего в команде «калмыцких дел». По его данным, во время возвращения казахов из набега на калмыцкие кочевья к ним через астраханских юртовых татар проехали кубанские посланники. Понятно, что подробности казахско-кубанских переговоров были неизвестны, но казахи якобы отправили на Кубань уже своих посланников и опять через тех же астраханских татар, а «для какого дела, потому ж не знаемо». Поскольку к марту казахские послы еще не вернулись с Кубани, в астраханской администрации получили строгое указание: «накрепко разведать и предстерегать, чтоб оных [казахских посланников] в их [астраханских татар] жилища не допустить, а всякими б удобными возможными способы их перехватить» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 395-397).

В.Н. Татищеву в Оренбурге также правительством было дано задание разведать о «пересылке» казахов с кубанцами и всеми силами удерживать их, «дабы от того не было препятствия действиям калмыков в нынешнюю турецкую войну против крымцев и кубанцев». В мае ему снова было указано: «понеже наш интерес требует того, что в нынешнюю с турками войну от киргизцев нападений на калмыцкие улусы не было» (Цит.: [Кундакбаева, 2005: 211](#)).

Несомненно, казахский набег весьма озадачил хана Дондук-Омбо, поскольку он повторился уже второй год подряд. Он, конечно, ждал объяснений с российской стороны, почему власти не смогли защитить его улус. Столь глубокий рейд казахов на правобережье Волги вызвал у калмыцкой стороны серьезное сомнение в возможности российской власти обеспечить безопасность улусов, особенно в период военных действий калмыков на Кубани. Привлечение значительных калмыцких войск к русско-турецкой войне привело к тому, что их улусы оказались почти беззащитными перед казахскими набегами. Неудивительно, что в кампании 1738 г. правительство так и не добилось от хана Дондук-Омбо отправки 10-тысячной конницы в армию генерал-фельдмаршала П.П. Ласси.

25 февраля Дондук-Омбо получил уведомление от царицынских властей, что 10-тысячное кубанское войско во главе с сераскером Аслан-Гиреем и примерно 150 казаков-некрасовцев совместно двигаются к казачьим городкам. В районе р. Ея они остановились и отправили под донские городки передовой отряд для захвата «языков». Калмыцкий хан был предупрежден о возможной опасности, и ему было указано «иметь крепкую предосторожность» ([НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 242](#)). Положение усугубило и сообщение из Войска Донского о намерении крымского войска с белгородскими ногайцами также двинуться на калмыцкие улусы и донские казачьи городки. Это стало известно казакам от калмыцкого пленника Дахи Шарадахбанова, бежавшего на Дон из ногайского плена ([НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 89](#)).

Кампания русско-турецкой войны 1738 г. началась в феврале с нападения 40-тысячной крымской конницы на укрепленную Украинскую линию. Однако по ходу движения татары повернули к Донцу на Изюм, где они, встретив вооруженное сопротивление местных гарнизонов, вынуждены были отступить, понеся значительные потери в живой силе ([Баиов, 1906: 466, 467](#)). 5 февраля вышел императорский указ под № 69 о «крепкой предосторожности от нападения крымского хана с татары и о чинении над ними воинских поисков и отпору» ([НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 250](#)).

Несомненно, Дондук-Омбо интересовала информация об указанном набеге крымских татар, слухи о котором, вероятно, дошли и до него. На письменный запрос хана об обстоятельствах этого набеге российские власти дали ему весьма подробные сведения. Действительно, крымский хан с войском был разбит российскими отрядами, и «многое число татар побито и в плен взято». Большинство крымцев после разгрома были вынуждены возвращаться домой пешими, и по дороге многие из них умерли от голода и морозов. Как отмечали очевидцы, «людей и лошадей мертвых, множество лежащих на пути, видели». Письмо заканчивалось поздравлением Дондук-Омбо с победой: «Чего ради сим полученным над неприятелем знатным поиском и учиненною победою ваше сиятельство поздравляю» ([НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 379, 380](#)).

14 марта Дондук-Омбо через свою разведку получил сведения о сборе войска ногайцев-малибашей и казаков-некрасовцев под Темрюком. Хан срочно стал собирать имеющиеся воинские силы и предупредил царицынские власти о возможном нападении неприятеля. Он предложил российским властям собрать все отряды казаков волжских городов, состоящих при «калмыцких делах», и направить к нему. Царицынские власти предложили бригадирам волжских городов прислать отряды в Царицын ([НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 338](#)).

19 марта ханский зайсанг Цойраши сообщил астраханским властям, что Дондук-Омбо отправил посланников «для собрания оброка» с малонагайского племени салтанулы, принявшего под давлением калмыков российское подданство в 1736 г. В это время кубанское войско перешло на правый берег Кубани, и его командиры отправили посланников к указанным ногайцам, чтобы те не давали оброк калмыцкому хану, и потребовали присоединиться к ним. Было неизвестно, куда именно направлялось это войско, поэтому астраханский губернатор и коменданты других нижеволжских городов получили предупреждение «для предосторожности», а также не допустить ухода на Кубань салтанульских ногайцев ([НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 57, 57 об.](#)).

Позже салтанульский мирза Мисоус Карамурзин прислал кизлярскому коменданту письмо, где он всячески отрицал приезд к нему кубанских посланников. Мирза заверил российские власти, что в случае приезда к нему таких людей, он обязательно их схватит и выдаст. Он выразил готовность выступить вместе с кабардинцами в новой военной кампании на российской стороне ([НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 57 об.](#)).

Конечно, информация о разгроме крымских татар на Украине вдохновила калмыцкого хана, и он все-таки решился выдвинуться с войском на Кубань, поскольку местные ногайцы уже не могли получить серьезную военную поддержку с Крыма. В этих условиях Дондук-Омбо отправился на Кубань только 28 марта 1738 г. По данным справки Коллегии иностранных дел, для похода в этот день калмыкам из казны было отпущено по 80 пудов свинца и пороха, 33 пуда 14 фунтов железа полосного, а еще раньше, «для опасности от прихода кубанских», выделили по 40 пудов свинца и пороха, 11 пудов 26 фунтов железа ([Кундакбаева, 2005: 211](#)).

Предложенный фельдмаршалом Х.А. Минихом план кампании на 1738 г. состоял в следующем: открыть военные действия против неприятеля на крымском и днестровском направлениях, в то же время на Кубани против ногайцев должна была действовать особая группировка калмыков и донских казаков в союзе с кабардинцами. Кубанские ногайцы, по мнению российского командования, не должны были каким-либо образом угрожать со стороны Таманского полуострова Донской армии П.П. Ласси, действовавшей на крымском направлении.

Калмыцкому хану было предложено отправить в армию генерал-фельдмаршала П.П. Ласси 10-тысячную конницу. Однако Дондук-Омбо в своем письме к императрице, которое он отправил 13 апреля с урочища на р. Егорлык, заявил, что для отправки в Крым он может выделить только 2 тыс. калмыков под командованием Тангута, сына Бату. Но под его началом было только чуть более тысячи человек, так как остальных должен был предоставить владелец Дорджи Назаров, который незадолго до этого скончался. Дети и братья покойного «чинили о нем поминование и для того оны в поход идти и замедлились». Хошутский владелец Лекбей кочевал с улусом в Мочагах и также пока не подошел в лагерь Дондук-Омбо, а «как скоро придут, то достальное войско немедленно отправлю». В этот же день калмыцкий хан во главе войска выдвинулся с Егорлыка на Кубань и отправил конницу в армию П.П. Ласси (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 71). По данным Л.А. Богуславского, Дондук-Омбо отправил к П.П. Ласси только 1385 калмыков (Богуславский, 1892: 23), которые соединились с ним 16 мая у р. Ганчук. Фельдмаршал был неприятно удивлен небольшим количеством присланного калмыцкого войска, поскольку все-таки рассчитывал на 10-тысячную конницу.

Согласно генеральному плану, генерал-фельдмаршал П.П. Ласси должен был овладеть Кафой, самым укрепленным пунктом в Крыму, и морской гаванью, в которой турки часто содержали свой флот. Но он повсюду нашел край в таком разорении, что армии почти нечем было пропитаться. Кроме того, шедший из Азова флот с провизией попал под бурю, и одна половина судов разбилась, а другая рассеялась. Сделав еще несколько переходов, П.П. Ласси привел армию обратно к Перекопу, где приказал подорвать все укрепления. В этом лагере он оставался до конца августа, после чего его войска в октябре вернулись на зимние квартиры на Украине (Манштейн, 1892: 153).

В нашем случае интересны события, которые развивались на Кубани, где действовала главная ударная сила калмыков. 20 мая в Царицын прибыл калмыцкий посланник Гунга, доставивший письмо Дондук-Омбо. Из его содержания становится известно, что 20 апреля в верховьях р. Орпа Дондук-Омбо перехватил два кочующих улуса кубанских ногайцев. Это были 1500 кибиток из племени навруз-улу и 500 кибиток хара-кыпчаков. Среди них находился Себелек-солтан, сын покойного Бахта-Гирея, и салтанульский мирза Муса Баев, который ранее принял российское подданство и дал аманатов. Калмыки захватили всего 7 тыс. человек и 10 тыс. голов скота. Разбежавшиеся после погрома ногайцы «в горах засели в осаду» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 71 об., 72).

Дондук-Омбо дождался подхода кабардинского войска во главе с князем Мамбетом Кургокиным. Но для решающего штурма засевших в осаде ногайцев они ожидали более многочисленного подкрепления из кабардинцев. Отряды калмыцких владельцев Бая, сына Дорджи Назарова, и Лекбея к этому времени еще не подошли, и именно их Дондук-Омбо намеревался отправить в армию П.П. Ласси (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 72).

7 мая с берегов Кубани Дондук-Омбо снова отправил в Санкт-Петербург письменное послание, в котором указывал о своем нахождении в верховьях Кубани. На урочище Уктан Аман он захватил улус в 2 тыс. кибиток вышеозначенного салтанульского мирзы Мусы Баева и перевел его на урочище Хара Модун для соединения с его же родственниками (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 72 об., 73).

Следующим объектом нападения Дондук-Омбо стали черкесы-абазинцы, которые жили в верховьях р. Джинчига. Эти черкесы, турецкие подданные, делились на шесть частей, и всего их насчитывалось около 1700 семей. Калмыки переселили абазинцев в местность Бургусу, лежащую недалеко от Кабарды (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 73). Туда же были переселены и ногайцы из племени навруз-улу. Дондук-Омбо приказал их мирзам дать ему в аманаты двух человек – сыновей Темира Ницаева и Нурадына-Батыра Мирзаева, которых затем отправил к кизлярскому полковнику (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 73).

Дондук-Омбо не преминул в своем письме к императрице отметить вклад в общее воинское дело и кабардинских князей – Мамбета Кургокина и Хара-мирзы Алеева, участвовавших с ним в кубанской кампании: «К службе вашей, великая государыня, поистине ревностное старание и великое вспомоществование учинили» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 73). В письменном сообщении в Царицын Дондук-Омбо перечислил и других кабардинских князей, участников похода (Арсланбек Мамбет Хасай, Шитахай Мамбет, Хара-мирза и др.) (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 74). В письме от 31 мая Дондук-Омбо ставил в известность императрицу, что с кабардинскими князьями «постановил и утвердил присягу». Касалась она салтанульских ногайцев, которые приняли российское подданство. В случае их измены и откочевки на Кубань калмыцкие и кабардинские владельцы должны были объединиться и снова совместно «их воевать» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 74 об.).

Что касается той части малоногайского племени хара-кыпчак, уцелевшей после разгрома, то Хазалбек-солтан и Хаза-Гирей увели ее на р. Лаба. Князь бестенеевских черкесов Темир-Болот

прислал к Мамбету Кургокину своего человека с предложением присоединиться к кабардинцам, но, как отмечал калмыцкий хан, «сие его намерение правдивое или лживое, о том еще неизвестно». Дондук-Омбо и кабардинские князья без прибытия к ним значительного подкрепления из кабардинцев еще не приняли решение по поводу наступления на указанных бестенеевских черкесов, которые засели в горах (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 73, 73 об.).

18 мая Дондук-Омбо с верховьев р. Зегерлик, недалеко от Кубани, снова отправил письмо к императрице. В нем он сообщает о соединении со всеми кабардинцами и окончательном захвате малонагайского племени хара-кипчак. Уйти в горы от преследователей удалось только Хаза-Гирею-солтану и Хазалбеку-солтану. Все захваченные ногайцы были переселены в урочище Хара-Модун, где уже ранее кочевали их соплеменники. Калмыцкий хан также взял в аманаты сыновей мирз Харасая и Джан-Мамбета, отправив их в Кизлярскую крепость (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 74).

Таким образом, в Кизляр он отправил в аманаты 4 сыновей следующих ногайских мирз: Темира Ницаева, Нурадын-Батура Мирзаева, Харасая и Джан-Мамбета. Там же на полном довольствии за счет казны содержались в аманатах и сыновья салтанульских мирз, взятых калмыками еще в 1736 г. (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 70). В документах обнаружен реестр всех четырех аманатов: Толмамбет Алиев, 16 лет, аула навруз-улу, сын Темира Ницаева; Сали-Гирей Нурадиев, 14 лет, аула наврус-улу; Сидак Женмамбет Иджи, 17 лет, аула хара-кипчак, сын Джан-Мамбета; Каплан Каспулатов, 6 лет, аула хара-кипчак, внук Харасая (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 88 об.).

При разгроме селений кубанских ногайцев калмыками были освобождены несколько русских пленников, которые затем были переправлены в Царицын. Например, одним из них оказался малороссиянин Василий Моисеев, выходец из Белгорода, проведенный в кубанском плену 40 лет. Другой бывший пленник, Ермолай Васильев, уроженец Москвы, провел в плену 43 года. Все они из Царицына затем были отправлены к местам прежнего проживания (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 550-552).

Ввиду плохого состояния конского состава Дондук-Омбо принял решение повернуть калмыцкое войско обратно домой. Другой причиной стало известие о намерении кубанского сераскера, сына Бахта-Гирея, прийти войною на калмыцкие улусы, как это удалось сделать в свое время его отцу в 1715 г. С целью не допустить этого калмыцкий хан приказал сыну Галдан-Нормо с несколькими тысячами калмыков прикрыть улусы (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 74 об.).

К тому же с казахского направления снова стали доходить слухи о готовящемся нападении казахов уже ближайшей зимой. Попытки российских властей примирить казахов с калмыками успеха не имели, поскольку Дондук-Омбо «на оное представление не склонился и о том весьма слышать не хотел, и как видно, что он, хан, к примирению с касакками желания своего не имеет» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 700). Хан намеревался «по откормлении лошадей» двинуться на казахов и отогнать их от своих кочевий (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 74 об.). В июне все российские форпосты по Волге от Царицына до Астрахани еще раз получили строгое указание наблюдать за рекой, чтобы по возможности не допустить каких-либо казахско-кубанских посольских контактов (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 670).

Возвращение Дондук-Омбо с Кубани к себе в улусы было встречено в Санкт-Петербурге с удивлением. Ему еще раз напомнили: «И того ради дружески вам напоминаю, что вы при нынешнем удобном случае о искоренении на Кубане находящихся татар для вечной безопасности всего калмыцкого народа всемерное старание имели, чего для можете туда непрестанно партии посылать, а со временем и своею персоною еще их посетить, а по искоренении оных уже способнее будет другим неприятелям отмщение учинить» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 78 об.).

В правительстве положительно отреагировали на то, что Дондук-Омбо оставил в заслоне для защиты калмыцких улусов своего сына Галдан-Нормо. Ему указывалось, чтобы тот вошел в тесный контакт с войсковым атаманом Данилой Ефремовым и они оба охраняли южные рубежи государства. Многие казаки были призваны в армии Х.А. Миниха и П.П. Ласси, поэтому Войско Донское также нуждалось в защите от набегов кубанцев (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 83. Л. 79).

Дондук-Омбо уже окончательно принял решение по поводу ответного наступления на казахские кочевья. Для этого он даже приказал перевести улусы на левый берег Волги, откуда планировалось выдвинуться калмыцким отрядам в восточном направлении. В одном из своих писем в Царицын он даже привел перечень захваченных ранее казахами предметов религиозного характера: 1500 статуэток бурханов, 1300 больших и 1200 малых книг. В ходе последнего зимнего набега около 5 тыс. калмыцких людей было уведено в плен, а всего с 1733 по 1738 гг., по словам калмыцкого хана, казахами было пленено около 13 тыс. человек (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 723, 724).

5 июля Дондук-Омбо письменно извещал астраханского бригадира А. Юнгерна, что собирается перейти на левый берег Волги с целью совершить ответный набег на казахские кочевья. С кубанского направления угроза нападения временно спала ввиду отступления немногочисленных кубанцев после захвата калмыцких «языков». Вырвавшиеся из кубанского плена калмыки сообщали, что знакомые ногайцы им говорили о приезде в Кубанскую орду двух хивинских послов (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 103. Л. 8). К сожалению, цель и результаты этих переговоров нам не известны, и о них можно только догадываться.

Это обстоятельство серьезно обеспокоило российские власти, поскольку с Дона снова поступила информация о скоплении крымско-кубанских сил на правом берегу Кубани и подготовке их наступления на Черкасск и другие казачьи городки. 22 июня царицынские власти еще раз безуспешно обратились с просьбой к калмыцкому хану отменить переправу улусов на левобережье, чтобы защитить донские городки от возможного нападения кубанцев (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 701, 702). Однако Дондук-Омбо все-таки оставил на правобережье Волги часть калмыцкого войска, которая должна была соединиться с донскими казаками в районе р. Маныч в случае вторжения неприятеля (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 727, 729). Действия кубанцев ограничились только легкими набегами и попытками захватить «языков» под донскими казачьими городками.

6 июля войсковой атаман Данила Ефремов сообщал в Царицын об отправке за Дон, на «кубанскую сторону», партию казаков, которым удалось за р. Кагальник захватить в плен трех кубанцев. На допросе они сообщили, что сераскер Сала-Гирей «для взятия языков» отправил отряды кубанских ногайцев под началом мирз в трех направлениях: под Азов, к донским казачьим городкам и на калмыцкие улусы. Сераскер со знатными кубанскими мирзами, в число которых входили Касай, Сати и Асрланбек, с остальным войском собрались в урочище Наврускола, откуда приказали черкесам готовить продовольственный запас и срочно двигаться к ним на соединение для последующего наступления на донские земли. На этом основании царицынские власти просили Дондук-Омбо, чтобы его сын Галдан-Нормо с войском стоял на р. Сал в полной боевой готовности и отправил разведывательные партии в разъезды для захвата «языков» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 793-795).

По данным самого калмыцкого хана, на кубанском направлении он оставил караульный отряд калмыков, который 26 июня в урочище Ажай подвергся внезапному нападению 200 кубанцев. Ногайцам удалось захватить несколько калмыков в плен и вернуться обратно в лагерь сераскера. По мнению хана, кубанское войско так и не решилось двигаться в калмыцком направлении, поскольку «он, хан, осторожность имеет» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 817, 818).

По сведениям калмыцкого владельца Лабан-Дондука, который с улусом кочевал отдельно от хана, всего в кубанском войске, стоявшем на р. Ея, насчитывалось 20 тыс. человек. И кубанцы, действительно, объектом нападения рассматривали донские казачьи городки. Лабан-Дондук просил власти временно его с улусом пропустить за Царицынскую линию и обязался со своим войском стоять против кубанцев. Опасаясь того, чтобы его люди не подвергли опасности российские селения, ему было запрещено с улусом переходить линию. Лабан-Дондуку, как и ханским войскам, указывалось выдвигаться на соединение с казаками на р. Сал (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 819, 820). Но 3 июля указанный калмыцкий улус получил разрешение войти за Царицынскую линию, хотя сам владелец с войском оставался с внешней стороны линии (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 825).

В августе в Оренбурге стали известны подробности казахско-кубанских контактов. Еще 7 июня прапорщик Этигеров, который находился в Казахской орде, секретно сообщал о «злых намерениях» казахов уже ближайшей зимой «обсче с кубанцами (...) на калмык нападение учинить» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 101. Л. 37). По заданию В.Н. Татищева яицкий казак Иван Харки ездил в казахские улусы. В частной беседе с женой казахского Бекбатыря ему удалось узнать о приезде к казахам кубанцев, которые, что удивительно, поддерживали отношения друг с другом через калмыцкий улус Дондук-Омбо (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 1032). Происходило это следующим образом.

В улусе калмыцкого хана находилось большое количество кубанских пленников, которых держали на левобережье Волги, чтобы не сбежали на Кубань. Именно они, ввиду слабого контроля за ними, и уходили к казахам и, как сообщали очевидцы, «вести кубанские приносят». Затем они снова с казахскими письмами и «словесным приказом» возвращались в калмыцкий улус, мотивировав тем, что сбежали из казахского плена. Выждав удобного момента, ногайцы сбежали на Кубань и таким образом доставляли казахские послания к кубанским мирзам. Иногда эти контакты происходили через башкир (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 1032, 1033).

Например, в разговоре казака И. Харки с казахом Джанибеком стало известно, что еще в прошлом 1737 г. казахи направили к кубанцам посланника с сообщением о точном времени совместного нападения на калмыцкие улусы, который и произошел в начале 1738 г. Однако кубанские ногайцы якобы опоздали на шесть дней и не подошли с войском на встречу к казахам в назначенное время, что, вероятно, и исключило возможность полного разгрома калмыцких улусов. Теперь казахи предлагали новое совместное с кубанцами нападение на калмыков. Для этой цели они отпустили в разное время с письмами на Кубань двух кубанских ногайцев, ранее освобожденных из калмыцкого плена. Казахи предлагали уже ближайшей зимой, в январе, снова напасть на калмыцкие улусы и обещали выставить многочисленное войско (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 1033, 1034).

На основании этой полученной информации российские власти предлагали Дондук-Омбо более строго содержать пленных кубанцев и не позволять им уходить в казахские улусы. В случае поимки кубанских посланников от казахов отправлять их в царицынскую администрацию, где они могли бы на допросах дать интересующие сведения (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 1034).

28 июля Галдан-Нормо по указанию отца во главе 20-тысячного войска выступил против казахского хана Абулхаира. Сбор калмыцких отрядов происходил у озера Баскунчак (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 1013). Но 8 августа Дондук-Омбо узнал о мятеже сына. Причиной этого стал вопрос о

престолонаследии, который, по всей видимости, решался не в пользу Галдан-Нормо, старшего ханского сына, рожденного от калмычки Боджак. Он получил от одного из зайсангов предупреждение о готовящемся аресте, связанном с интригами кабардинки Джан Атажукиной, младшей супруги хана, стремившейся убрать главного конкурента на ханский престол для своих сыновей, старшим из которых был Рандул (Цюрюмов, 2005: 126, 127).

20 августа калмыцкий хан узнал о движении старшего сына с 1 тыс. калмыков к казахам. Было не совсем ясно, собирался ли Галдан-Нормо через казахские степи уйти на Восток или планировал соединиться с казахами, чтобы совместно с ними ударить по отцовскому улусу. Чтобы не допустить второго возможного сценария развития события, российские власти срочно связались с казахским ханом Абулхаиром и заручились его поддержкой. Галдан-Нормо, по всей видимости, узнал о пророссийских настроениях казахской элиты и отказался от движения в их сторону. Таким образом, попытка объединения казахов с калмыцкой оппозицией в лице Галдан-Нормо была сорвана, и ханскому сыну пришлось подчиниться российским властям (Кундакбаева, 2005: 212).

По всей видимости, сведения о выступлении калмыков против казахов и начале мятежа Галдан-Нормо достигли и Кубани. В начале августа стало известно о переходе кубанского войска на правый берег Кубани и готовящемся нападении кубанцев на Царицынскую линию и донские городки. Коменданты южных городов получили предупреждение о возможной опасности ногайских набегов (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 102. Л. 49). В середине августа кубанское войско подошло к Маньчу и осадило 4 казачьих городка. Войсковой атаман Д. Ефремов выступил навстречу противнику (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 1098).

Царицынские власти постоянно сообщали Дондук-Омбо о положении дел на Дону, где ситуация приняла весьма критический характер. 25 августа стало известно, что 15-тысячное кубанское войско перешло Дон и напало на ряд казачьих городков. В частности, кубанцами штурмом была взята станица Быстринская. Вовремя подоспевший с войском атаман Д. Ефремов сумел отбить нападение и нанести поражение противнику. Кубанцы отступили, но в сражении потеряли 2 тыс. человек убитыми и 300 пленными (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 1115).

В конце августа Дондук-Омбо получил тревожное известие о движении казахского войска на калмыков. Неизвестно, насколько эта новость была действительной, но царицынские власти по просьбе хана отправили к нему для личной охраны отряд из 100 солдат во главе с капитаном и поручиком (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 1156). Но просьба калмыцкого хана о переводе его улуса за Царицынскую линию осталась без удовлетворения.

В начале ноября с Дона снова стали поступать тревожные сведения о подготовке крымско-кубанского войска выступить ближайшей зимой против казачьих городков и калмыцких улусов. Белгородские ногайцы из-за Днепра перешли на левый берег и также готовились к походу. Царицынские власти на основании этого просили Дондук-Омбо, который кочевал на правобережье Волги, на кубанском направлении выставить «крепкие караулы» (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 1646, 1647). В декабре было известно, что кубанское войско стояло на р. Ея, в непосредственной близости от казачьих городков (НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 109. Л. 1824).

Однако до конца года кубанцы так никуда и не выступили, по всей видимости, готовясь к следующей кампании. Чувствительное поражение, нанесенное кубанским ногайцам в августе донскими казаками, стало последним военным столкновением на южном направлении.

5. Заключение

Подводя итог, отметим, что казахский набег на калмыцкие улусы в начале 1738 г. стал первым крупным военным актом казахов на правобережье Волги с момента их появления в степях Северного Прикаспия. Столь глубокий рейд многочисленной казахской конницы до р. Кума говорит только о том, что он был тщательно подготовлен и согласован с кубанскими ногайцами. Документальные свидетельства того времени подтверждают предварительные казахско-кубанские переговоры. И только военная нерешительность ногайцев и плохое знание казахами новой для себя местности исключили захват и полный разгром калмыцких улусов.

Дальнейшие казахско-кубанские контакты, которые длились в течение 1738 г., российские власти всячески старались прервать путем ужесточения контроля над волжскими переправами. Однако хан Дондук-Омбо после этого набега сумел быстро восстановить военный потенциал Калмыцкого ханства. Уже весной этого года он смог организовать поход калмыцкого войска на Кубань, где ряд ногайских улусов и черкесов были приведены в российское подданство. Этому способствовал и разгром российскими отрядами крымских татар на Украине.

Попытка калмыцкого хана организовать ответный набег на казахские улусы сорвалась из-за мятежа сына Галдан-Нормо. Кратковременная внутренняя усобица в ханстве, хотя и была вскоре урегулирована правительством, но до конца кампании 1738 г. отстранила участие калмыков. Донские казаки были вынуждены уже самостоятельно, без поддержки калмыков, вступить в столкновение с кубанскими ногайцами и нанести им поражение. Таким образом, казахский фактор значительно повлиял на участие калмыков в военной кампании 1738 г. на кубанском направлении.

6. Благодарности

Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ государственной регистрации АААА-А17-117030910096-7).

Литература

Баиов, 1906 – *Баиов А.К.* Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война России с Турцией в 1736–1739 гг. Первые три года войны Т. 1. СПб.: Электро-тип. Н.Я. Стойковой, 1906. 828 с.

Батыров, 2006 – *Батыров В.В.* Участие калмыков в русско-турецкой войне 1735–1739 гг. // Востокovednye issledovaniya v Kalmykii. Элиста: Издательство Калмыцкого университета, 2006. С. 27-34.

Беликов, 1965 – *Беликов Т.И.* Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVII – нач. XIX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1965. 179 с.

Беликов, 1960 – *Беликов Т.И.* Участие калмыков в войнах России в XVII, XVIII и первой четверти XIX веков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1960. 144 с.

Богуславский, 1892 – *Богуславский Л.А.* История Апшеронского полка. Т. 1. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1892. 566 с.

Журналы, 2017 – Журналы Крымских походов российской армии 1735–1738 гг. Сборник документов / Сост. П.А. Аваков. Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2017. 484 с.

Манштейн, 1875 – *Манштейн Х.Г.* Записки Манштейна о России. 1727–1744. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1875. 399 с.

Мацакова, 2014 – *Мацакова Н.П.* Некоторые вопросы историографии участия калмыков в русско-турецких войнах // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2014. № 3 (40). С. 35-42.

Михайлов, 2012 – *Михайлов А.А.* Русско-турецкая война 1736–1739 гг.: историографический аспект / *Война и оружие: Новые исследования и материалы. Труды Третьей международной научно-практической конференции*, 16–18 мая 2012 г. СПб., 2012. Ч. II. С. 332-348.

НА РК – Национальный архив Республики Калмыкия.

Очиров, 2009 – *Очиров У.Б.* Участие калмыков в войнах 1724–1771 гг. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: В 3-х т. Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. Т. 1. С. 410-420.

Петрухинцев, 1998 – *Петрухинцев Н.Н.* Война с пространством // *Родина*. 1998. № 5–6. С. 62-66.

Потто, 1889 – *Потто В.А.* Два века Терского Казачества (1577–1801). Т. 2. Владикавказ: Электропечатня Типографии Терского Областного Правления, 1912. 256 с.

Прозрителев, 1912 – *Прозрителев Г.Н.* Военное прошлое наших калмык. Ставрополь: Типография Губернского Правления, 1912. 281 с.

Торопицын, 2009 – *Торопицын И.В.* Оборона калмыцких улусов в 20–30 гг. XVIII в. / *Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее. Материалы Международной научной конференции, посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства: в 2 частях*. Ч. 1. Элиста: Джангар, 2009. С. 242-246.

Цюрюмов, 2001 – *Цюрюмов А.В.* Калмыки в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. / *Актуальные вопросы российской военной истории: Материалы Двадцать третьей Всероссийской заочной научной конференции*. СПб.: Нестор, 2001. С. 27-28.

Цюрюмов, 2007 – *Цюрюмов А.В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. 464 с.

Цюрюмов, 2005 – *Цюрюмов А.В.* Калмыцкое ханство в 1724–1741 гг.: хроники династийных междоусобиц. Элиста: Джангар, 2005. 160 с.

Цюрюмов, Батыров, 2006 – *Цюрюмов А.В., Батыров В.В.* Калмыцкое ханство в российско-крымских отношениях (XVIII в.). Элиста: АОр «НПП «Джангар», 2006. 95 с.

Чонов, 1912 – *Чонов Е.Ч.* Калмыки в русской армии: XVII, XVIII вв. и 1812 г. Пятигорск: Электропеч. Г.Д. Сукиасянца, 1912. 142 с.

Шовунов, 1991 – *Шовунов К.П.* Очерки военной истории калмыков (XVII–XIX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 189 с.

References

Baiov, 1906 – *Baiov A.K.* (1906). Russkaya armiya v tsarstvovanie imperatritsy Anny Ioannovny. Voina Rossii s Turtsiei v 1736–1739 gg. Kampaniya 1739 g. [The Russian army in the reign of Empress Anna Ioannovna. The war of Russia with Turkey in 1736–1739]. Vol. 1. SPb.: Elektro-Tipografiya N.Ya. Stoikovoi, 398 p. [in Russian]

Batyrov, 2006 – *Batyrov V.V.* (2006). Uchastie kalmykov v russko-turetskoi voine 1735–1739 gg. [The participation of the Kalmyks in the Russian-Turkish war of 1735–1739]. *Vostokovednye issledovaniya v Kalmykii*. Elista: Izdatel'stvo Kalmytskogo universiteta, pp. 27–34. [in Russian]

Belikov, 1965 – *Belikov T.I.* (1965). Kalmyki v bor'be za nezavisimost' nashei Rodiny (XVII – nach. XIX v.) [Kalmyks in the struggle for the independence of our Motherland]. Elista: Kalm. kn. izd-vo, 179 p. [in Russian]

Belikov, 1960 – *Belikov T.I.* (1960). Uchastie kalmykov v voynakh Rossii v XVII, XVIII i pervoi chetverti XIX vekov [The participation of Kalmyks in the wars of Russia in the XVII, XVIII and first quarter of the XIX centuries]. Elista: Kalm. kn. izd-vo, 144 p. [in Russian]

Boguslavskii, 1892 – *Boguslavskiy L.A.* (1892). Istoriya Apsheronского polka [The History of the Absheron Regiment]. Vol. 1. SPb.: Tip. Ministerstva Putei Soobshcheniya, 566 p. [in Russian]

Chonov, 1912 – *Chonov E.Ch.* (1912). Kalmyki v russkoi armii: XVII, XVIII vv. i 1812 g. [Kalmyks in the Russian army: XVII, XVIII centuries. and 1812]. Pyatigorsk: Elektropech. G.D. Sukiasyantsa, 142 p. [in Russian]

Manshtein, 1875 – *Manshtein Kh.G.* (1875). Zapiski Manshteina o Rossii. 1727–1744. [Manstein's notes on Russia]. SPb.: Tip. V.S. Balasheva, 399 p. [in Russian]

Matsakova, 2014 – *Matsakova N.P.* (2014). Nekotorye voprosy istoriografii uchastiya kalmykov v russko-turetskikh voynakh [Some questions on the historiography of the participation of Kalmyks in the Russian-Turkish wars]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*, № 3(40), pp. 35-42. [in Russian]

Mikhailov, 2012 – *Mikhailov A.A.* (2012). Russko-turetskaya voina 1736–1739 gg.: istoriograficheskii aspekt [The Russian-Turkish war of 1736–1739: the historiographic aspect]. *Voina i oruzhie: Novye issledovaniya i materialy. Trudy Tret'ei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, 16–18 maya 2012 g. SPb., Ch. II, pp. 332-348. [in Russian]

NA RK – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kalmykiya [The National Archive of the Republic of Kalmykia].

Ochirov, 2009 – *Ochirov U.B.* (2009). Uchastie kalmykov v voynakh 1724–1771 gg. [Participation of the Kalmyks in the wars of 1724–1771]. *Istoriya Kalmykii s drevneishikh vremen do nashikh dnei: v 3-kh t.* Elista: GU «Izdatel'skii dom «Gerel». Vol. 1, pp. 410-420. [in Russian]

Petrukhintsev, 1998 – *Petrukhintsev N.N.* (1998). Voyna s prostranstvom [War on space]. *Rodina*, № 5–6, pp. 62–66. [in Russian]

Potto, 1889 – *Potto V.A.* (1889). Dva veka Terskago Kazachestva (1577–1801). [Two centuries of the Terek Cossacks]. vol. 2. Vladikavkaz: Elektropechatnya Tipografii Terskago Oblastnogo Pravleniya, 1912. 256 p. [in Russian]

Prozritelev, 1912 – *Prozritelev G.N.* (1912). Voennoe proshloe nashikh kalmyk [The military past of our Kalmyk]. Stavropol': Tipografiya Gubernskogo Pravleniya, 281 p. [in Russian]

Shovunov, 1991 – *Shovunov K.P.* (1991). Ocherki voennoi istorii kalmykov (XVII–XIX vv.) [Essays on the military history of the Kalmyks]. Elista: Kalm. kn. izd-vo, 189 p. [in Russian]

Toropitsyn, 2009 – *Toropitsyn I.V.* (2009). Oborona kalmytskikh ulusov v 20–30 gg. XVIII v. [The defense of the Kalmyk uluses]. *Edinaya Kalmykiya v edinoi Rossii: cherez veka v budushcheye. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoy konferentsii, posvyashchennoi 400-letiyu dobrovol'nogo vkhozheniya kalmytskogo naroda v sostav Rossiiskogo gosudarstva: v 2 chastyakh*. Ch. 1. Elista: Dzhangar, pp. 242-246. [in Russian]

Tsyuryumov, 2001 – *Tsyuryumov A.V.* (2001). Kalmyki v Russko-turetskoi voine 1735–1739 gg. [Kalmyks in the Russian-Turkish war of 1735–1739]. *Aktual'nye voprosy rossiiskoi voennoi istorii: Materialy Dvadsat' tret'ei Vseros. zaoch. nauch. konf.* SPb.: Nestor, pp. 27–28. [in Russian]

Tsyuryumov, 2007 – *Tsyuryumov A.V.* (2007). Kalmytskoe khanstvo v sostave Rossii: problemy politicheskikh vzaimootnoshenii [The Kalmyk Khanate within Russia: Problems of Political Relations]. Elista: ZAOR «NPP «Dzhangar», 464 p. [in Russian]

Tsyuryumov, 2005 – *Tsyuryumov A.V.* (2005). Kalmytskoe khanstvo v 1724–1741 gg.: khroniki dinastiinykh mezhdousobits [Kalmyk Khanate in 1724–1741: Chronicles of dynastic civil strife]. Elista: Dzhangar, 160 p. [in Russian]

Tsyuryumov, Batyrov, 2006 – *Tsyuryumov A.V., Batyrov V.V.* (2006). Kalmytskoe khanstvo v rossiisko-krymskikh otnosheniyakh (XVIII v.) [The Kalmyk Khanate in Russian-Crimean Relations (XVIII century)]. Elista: AOR «NPP «Dzhangar», 95 p. [in Russian]

Zhurnaly, 2017 – Zhurnaly Krymskikh pokhodov rossiyskoi armii 1735–1739 gg. [Magazines of the Crimean campaigns of the Russian army of 1735–1739]. *Sbornik dokumentov / sost. P.A. Avakov*. Rostov n/D: Izd-vo YUNTS RAN, 2017. 484 p. [in Russian]

Калмыки, казахи и кубанские ногайцы в кампании 1738 г.: одна из малоизвестных страниц Русско-турецкой войны 1735–1739 гг.Владимир Толтаевич Тепкеев^{a, *}^a Калмыцкий научный центр РАН, Российская Федерация

Аннотация. В статье подробно рассматривается участие калмыков, кубанских ногайцев и казахов в военной кампании 1738 г. в рамках Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Данная тема лишь обзорно освещалась в работах большинства исследователей, которые вкратце осветили основные события всей войны. Поэтому целью работы является подробное рассмотрение участия в кампании не только калмыков, но и других кочевых народов, принявших в ней прямое или косвенное участие. В качестве источниковой базы послужили материалы Национального архива Республики Калмыкия, где отложились документы переписки хана Дондук-Омбо с региональными администрациями на юге России. Их анализ показал, что активное и массовое участие калмыков в русско-турецкой войне создало условия, когда их улусы становились уязвимыми для нападения с восточного направления. В начале 1738 г. улус калмыцкого хана Дондук-Омбо подвергся массированному набегу казахов. Последствия подобных действий могли крайне негативно отразиться на боеготовности калмыцкого войска, что отрицательно сказалось бы на участии его в военной кампании. Однако калмыцкий хан все-таки принял в ней самое активное участие и его действия в основном ограничивались кубанским регионом. Вторжение калмыцкой конницы на Кубань стал продолжением предыдущей кампании, когда были подчинены салтанульские ногайцы. На этот раз удару калмыков и действовавших с ними кабардинцев подверглись кубанские ногайцы из племен хара-кипчак и навруз-улу, которые были переселены на подконтрольную территорию. Более тысячи калмыков было отправлено в состав армии генерал-фельдмаршала П.П. Ласси, но это никак не отвечало изначальному запросу российского командования. Попытка хана Дондук-Омбо организовать ответный набег на казахские улусы сорвалась из-за мятежа сына Галдан-Нормо. Кратковременная внутренняя усобица в ханстве была вскоре урегулирована правительством, но практически отстранила калмыков от дальнейшего участия в кампании. Донские казаки были вынуждены уже самостоятельно, без поддержки калмыков, вступить в столкновение на Дону с кубанскими ногайцами и нанести им поражение. Таким образом, казахский набег в начале года на калмыцкие улусы значительно повлиял на характер военной кампании 1738 г., ограничив в ней участие калмыков и позволив кубанским ногайцам перейти в неудачное для них контрнаступление.

Ключевые слова: калмыки, русско-турецкая война, Крымское ханство, кабардинцы, казахи, кубанские ногайцы, донские казаки.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: tvt75@mail.ru (В.Т. Тепкеев)